

ОКРЕСТНЫЕ МОНАСТЫРИ АРМЯНСКИХ СТОЛИЦ (VII–XIII вв.): АРХЕОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРНО- ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО КОНТЕКСТА

© 2024 г. А.Ю. Казарян

*Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет (НИУ МГСУ), Россия*

E-mail: KazaryanAYU@mgsu.ru

Поступила в редакцию 08.10.2023 г.

После доработки 19.11.2023 г.

Принята к публикации 16.01.2024 г.

В статье представлен анализ распространения монастырей в непосредственном соседстве или на дальних подступах к двум городам позднеантичной и средневековой Армении с учетом сведений в источниках, результатов археологических раскопок и обследований памятников на месте. Восстанавливается последовательность сложения топографии храмов и монастырей вблизи столиц страны — Вагаршапата и Ани, с выявлением сходства и различий между ними. Отмечена заданность развития системы святынь в окрестностях Вагаршапата самой историей утверждения христианства. Основными попечителями строительства храмов с IV по VII в. являлись католикосы. В окрестностях Ани, где всплеск строительства монастырей пришелся на первую половину XI в., заданный сценарий отсутствовал, а заказчиками являлись цари Багратуни и влиятельные князья. Если развитие храмов около Вагаршапата, начатое при династии Аршакидов, было продолжено после упразднения их царской власти и достигло пика в первой половине VII в., то монастыри в окрестностях Ани, основанные при Багратидах, в дальнейшем обстраивались менее активно. Выявлена также специфика расположения монастырских ансамблей в окрестностях Ани в связи с сильно пересеченной ущельями местностью и традиционным сосредоточением городов и монастырей вдоль правого, реже левого, берегов реки Ахурян. Как на пространстве Арагатской равнины, так и на Ширакском плато, сопровождавшие столичные города храмы и ансамбли преобразовали ландшафт и обозначили своими архитектурными образами визуальные границы особой, элитарной культуры.

Ключевые слова: монастырские ансамбли, средневековое градостроительство, археология, сакральная топография, архитектура Армении, Вагаршапат, Ани.

DOI: 10.31857/S0869606324020041, EDN: WOZZDD

Возможности восстановления панорамы развития храмов и монастырей вокруг двух важнейших столичных городов позднеантичной и средневековой Армении, Вагаршапата и Ани, позволяют исследовать содержательные и пространственно-территориальные связи между очагами духовности и городом и археологию архитектурно-градостроительного контекста формировавшихся культурных ландшафтов. Исследование предполагает сравнение между собой ситуации в окрестностях этих двух армянских столиц, которое могло быть навеяно проведенным Р. Краутхаймером (2000) много лет назад сопоставлением трех позднеантичных

столиц Римской империи. Но оно характеризуется более формальным подходом к архитектурно-градостроительному исследованию и в то же время осложнено хронологической дистанцией между этими двумя армянскими центрами, их развитием в исторических реалиях разных эпох. Вклад историков архитектуры и археологов в раскрытие этой стороны развития окрестных ландшафтов армянских столиц ограничивается лишь некоторыми замечаниями (Арутюнян, 1978; Cuneo, 1977. Р. 12–20; Зарян, 1986. С. 118–126). Историки проявляли большую склонность к выявлению связей этих

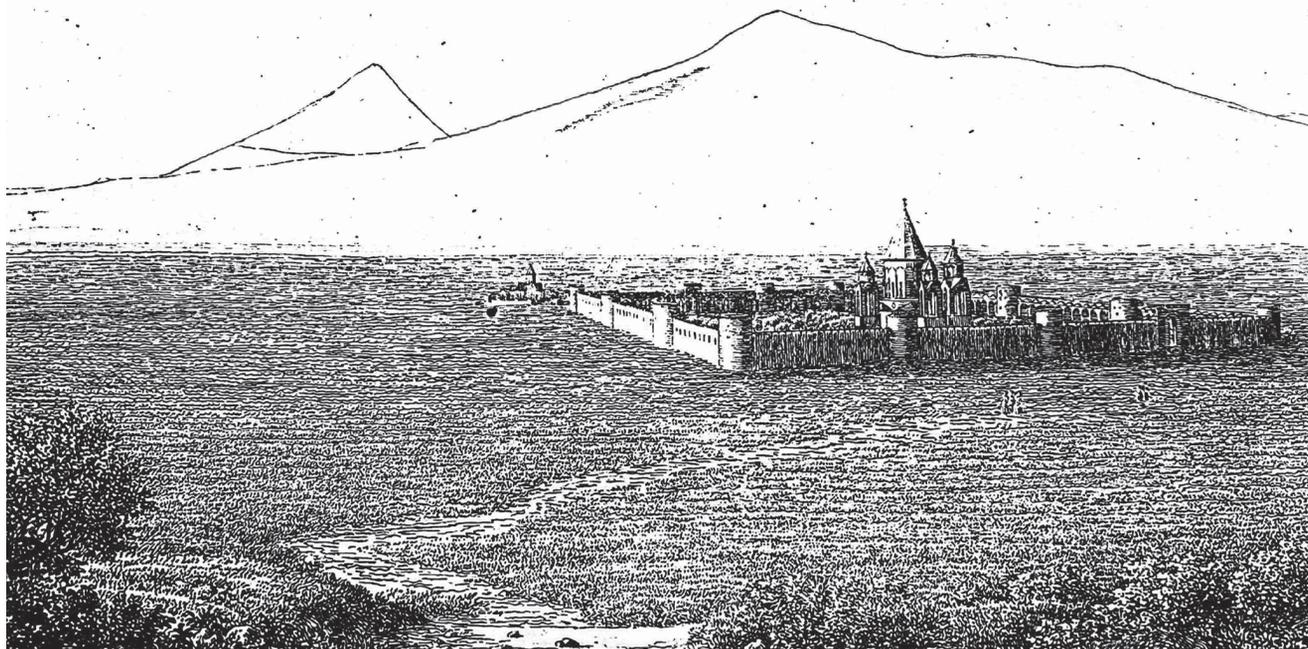

Рис. 1. Панорама Вагаршапата. Гравюра Турнефорта, 1717 г. (Ter Minassian, 1998. P. 7).

Fig. 1. A panoramic view of Vagharshapat. Engraving by Turnefort, 1717 (Ter Minassian, 1998. P. 7)

городов с расположенными поблизости духовными центрами (Матевосян, 2010).

Индивидуальность каждого крупного города не позволяет проводить буквальных аналогий между ними. Рим и Милан, Константинополь и Эфес, Иерусалим, Антиохия и Александрия проявляли своеобразие не только в пределах собственных границ, но и вне их, где в каждом случае по-своему формировалась сеть общинных епископальных центров, в Средние века превращавшихся в монастырские комплексы (Беляев, 1998. С. 340–350). Традиция их размещения за пределами городских стен, порой в значительном удалении от города, но при поддержании связи с ним, была довольно распространенной для Средневековья.

Присутствие подобных церквей и монастырей по соседству с крупными городами засвидетельствовано в источниках, подтверждается сохранившимися памятниками архитектуры и результатами изредка проводившихся археологических раскопок. Как описания XVIII–XIX вв., отчеты Анийской археологической экспедиции конца XIX — начала XX в. и последующих археологических и

историко-архитектурных исследований в Вагаршапате (Эчмиадзине) и Ани, так и исследования памятников средневекового зодчества и исторических ландшафтов в окрестностях этих столичных городов, позволяют представить картину развития церковной топографии, столь важной для понимания архитектурно-градостроительного контекста крупного города.

Священные места истории христианизации и церкви в окрестностях Вагаршапата

Основанный царем Великой Армении Вагаршем Аршакуни (117–140) город Вагаршапат (с 1945 по 1995 г. — Эчмиадзин) после подавления восстания армян против Рима с 163 по 193 г. превращается в ставку римского гарнизона, становится столицей страны и переименовывается в Кайнеполис (Kaine Polis) или Норкахак (Новгород) (Тирацян, 1977. С. 81).

Сведения о развитии города вплоть до эпохи позднего Средневековья минимальны, поскольку масштабных раскопок на его территории не проводилось. Весьма сомнительной кажется правдоподобие панорамы Вагаршапата на гравюре Турнефорта 1717 г. (Ter Minassian, 1998. P. 7), с изображением кафедрального собора

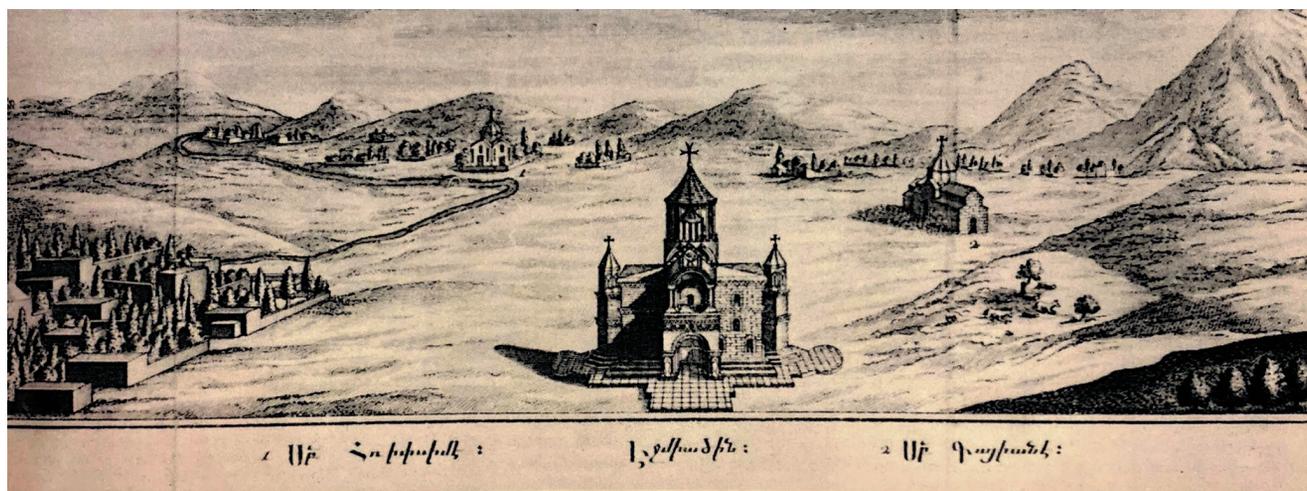

Рис. 2. Панорама Вагаршапата. Гравюра Паррота, 1834 г. (Ter Minassian, 1998. P. 9).

Fig. 2. A panoramic view of Vagharshapat. Engraving by Parrot, 1834 (Ter Minassian, 1998. P. 9)

по центру и в полном одиночестве, лишь с двумя церквями по сторонам от него — Сурб Рипсиме и Сурб Гаяне в том виде, какой они приобрели в VII в. и в каком дошли до наших дней (рис. 1). На гравюре Паррота 1834 г. посреди просторной Арагатской равнины представлен город с оборонительной стеной прямоугольного периметра, с пропорцией 3×4 , которую можно предположить с учетом количества на каждой из сторон участков стен (куртин) между башнями (Ter Minassian, 1998. P. 9) (рис. 2). Посреди города-крепости высится собор, а снаружи, у ее дальнего угла — одинокая церковь. Пустыньность территории в окрестностях подтверждается фотографиями XIX в., на которых стенами охвачены уже и по отдельности расположенные монастырские церкви. На плане Вагаршапата русского топографа Мамонтова 1827 г. (Zarian, 1998. Fig. 2) и генеральном плане территории Эчмиадзинского католикосата первой половины XIX в. (Там же. Fig. 9) собор присутствует посреди почти квадратной территории, с небольшим вырезом в ее юго-западном углу, обусловленным рельефом местности. Непосредственно вокруг собора низкими постройками XVII–XIX вв. сформирован квадратный двор.

Теоретически форма плана этой цитадели или небольшого городка могла восходить к структуре римского военного лагеря (Арутюнян, 1978. С. 20) или к нашедшему воплощение в балканских городах эпохи Тетрархов (на рубеже III–IV вв.) образцовому центру столичного города Римской империи, самым

интересным примером которого служит Сплит (Ćurčić, 2010. P. 26–34). Оценки историков архитектуры, основанные на археологических данных, сводятся к тому, что Вагаршапатская цитадель, укреплявшаяся в конце II в. римским легионом, имела прямоугольный периметр, примерно совпадающий с границами развившегося впоследствии Эчмиадзинского монастыря (Григорян, 1992. С. 10–12).

В центре города, рядом с храмом Анаит-Артимед располагался комплекс царского дворца, о существовании которого свидетельствует хроника (Агатангелос, 1983. § 279, 384) и обнаруженные в конце XVIII в. остатки здания с мраморными блоками и напольной мозаикой, а также частично раскопанная античная баня (Тирацян, 1977. С. 83, 84). На территории монастыря обнаружены греческая и две латинские надписи. Фрагменты архитектурных деталей, созданных в греко-римской традиции, были заложены под алтарь Эчмиадзина и в основания пилонов церкви Сурб Рипсиме (613 г.) (Арутюнян, 1978. С. 20). Эти факты свидетельствуют о проникновении греко-римской культуры в дворцовое окружение накануне распространения христианства, а также косвенно подтверждают предложенную мной версию о былом существовании монументального купольного тетрапилона в центре цитадели Вагаршапата, на пересечении ее главных улиц, и о строительстве в начале IV в. первого собора Эчмиадзин именно на этом месте, что могло сыграть решающую роль в выборе св. Григором Лусаворичем

(Григорием Просветителем) четырехстолпной центрической композиции этой церкви (Казарян, 2007. С. 34, 35).

На сложение архитектурной концепции Эчмиадзинского собора мог воздействовать, по оценкам ученых, описанный в Видении св. Григория (Агатангелос, 1983. Гл. ХСІХ. § 715–755) четырехстолпный балдахин, “куполообразный куб” («գմբեթաձևի խորհիւնք») (Khatchatrian, 1971. P. 67–92; Григорян, 1986). Однако оно преподнесено Агатангелосом в виде нового мироустройства, связанного с торжеством христианства и со стремлением декларировать соединение светской и духовной властей с доминирующей ролью последней. Автор хроники крещения Армении гипертрофирует масштаб земного сооружения, вносит образы мемориальных колонн на месте каждой опоры тетрапилона, иносказательный смысл в их присутствие, роль соединяющих их арок и купола. Из четырех колонн в структуре описанного балдахина первая основана на месте, символизировавшем высшую светскую власть: “И я увидел посреди города, около царского дворца, круглый пьедестал, величиной с большой холм, и на нем очень высокую огненную колонну, на которой была капитель из облака со светящимся крестом” (Агатангелос, 1983. § 736). “А три другие были установлены на месте могил святых, дабы на месте пролития их крови были построены часовни упокоения их костей. А то, что первый столп выше, это оттого, что достоинство соборной церкви больше и выше всех высот святых. А арки, соединяющие колонны, знаменуют равенство и единодушие с соборной церковью. А купол над ними имеет подобие вышнего града, соборного единства небесного царства” (Агатангелос, 1983. § 748).

Огромная пространственная конструкция купольного балдахина или скинии, таким образом, покрывала сам Вагаршапат и образовавшиеся святые места рядом с ним — места гибели Гаяне к югу от собора, Рипсима к северо-востоку от собора, и место винодельни, находившейся в том же направлении. Вероятнее всего, собор был построен Григорием Просветителем и царем Трдатом III Аршакуни на месте описанного первого столпа (колонны). Согласно повествованию Агатангелоса, еще до крещения царя возводятся три мартирия на местах

мученичества св. Рипсима и ее подруг, для чего царь Трдат приносит с горы Арарат восемь огромных камней. Именно местонахождение этих мартириев символизировали в Видении три колонны с крестами. Из других источников V–VII вв. известны мемориальные часовни Св. Гаяне и Св. Рипсима, которые были заменены на ныне существующие храмы. К востоку от Св. Рипсима археологами выявлена длинная зальная церковь IV либо V в. Третья могла располагаться на месте нынешней Сурб Шогакат, построенной в XVII в., а может, и неподалеку от нее, где раскопаны остатки еще одной зальной церкви. Точное время описания Видения, его реальность в контексте данного исследования не столь важны, поскольку важнее факт привязки этих событий к топографии Вагаршапата. Была ли в Видении заложена концепция развития святынь в окрестностях столицы, или ранее существовавшее их размещение было концептуализировано? Поскольку археологически доказано существование четырехстолпного храма не позднее V в., а время создания литературного труда, написанного Агатангелосом или приписываемого ему, оспаривается в пределах начала IV — VI вв., ответ на заданный вопрос не может быть однозначным (Казарян, 2007. С. 34).

Все отмеченные сооружения неоднократно перестраивались. Восстановлением собора после разрушения города персидскими войсками в 360-е годы занялся католикос Нерсес Великий (353–372) (Фавстос Бузанд, 1953. С. 45), затем католикос Саак Партев (388–439) (Самуэл Анеци, 1893. С. 267), а в 480-е годы марзпан Армении Ваан Мамиконян “с основания восстановил” “устаревшее дело предков своих” (Лазар Парпеци, 1982. С. 380, 381). Самая масштабная реконструкции храмов происходила в начале VII в. В 613 г. католикос Комитас Ахцеци возвел величественную церковь-мартирий Сурб Рипсима по типу тетраконха с угловыми нишами (Казарян, 2012. Т. 1. С. 290–324), а около 620 г. перестроил Эчмиадзинский собор, с заменой стропильных перекрытий каменными сводами и созданием высокой купольной главы (Казарян, 2007. С. 68–113; Казарян, 2012. Т. 1. С. 325–356). Через десятилетие на месте часовни Сурб Гаяне католикосом Езром Паражнакертци (630–641 гг.) строится четырехстолпный крестовокупольный храм (Казарян, 2012.

Рис. 3. Храм Сурб Рипсима, 613 г. Фото А. Казаряна, 2009 г.

Fig. 3. Surb Hripsime Church, 613. Photo by A. Kazaryan, 2009

Т. 2. С. 138–163). Новые церкви Сурб Рипсима и Сурб Гаяне приобретают единый масштаб с древним собором (рис. 3).

Четвертая, еще большей величины церковь появляется на дальних восточных подступах к Вагаршапату буквально через несколько лет, когда католикос Нерсес III Таеци (641–661), прозванный за свою деятельность Строителем, на месте легендарной встречи царя Трдата с вызволенным из ямы Хор Вирап Григором Лусаворичем возводит архитектурный комплекс с храмом Звартноц — ротондой внешним диаметром около 37,5 м, в которую, с отступом за кольцевую внутреннюю галерею, вписан тетраконх. Формально Звартноц принадлежал к типу тетраконхов с обходом, распространенных от Италии до Египта и особенно в соседних с Арменией Северной Месопотамии и Сирии (храмы V — начала VI в. в Селевкии Пиерии, Апамее, Ресафе (Сергиополе), Амиде, Босре и др.) (Kleinbauer, 1973). Архитектор Звартноца возрождает этот, к тому времени архаичный тип, совместив его с ротондой, которая во внешнем облике откровенно доминирует. Ее трехъярусный башнеобразный облик (Тораманян, 1942. Т. 1. С. 236–270; 1948. Т. 2. С. 77–94; Казарян, 2012. Т. 2. С. 423–477, 492–549) соответствовал некоторым представлениям

о Небесном Иерусалиме (Казарян, 2009. С. 529, 530). Рассуждая об отражении в концепции Звартноца идеи монотеизма как политической доктрины, С. Чурчич называет постройку католикоса Нерсеса “последней позднеантичной церковью, свободно стоящей посреди открытого двора” (Čurčić, 1996. P. 58–59).

Строительство величественного Звартноца, как и осуществленное Нерсесом III строительство ротонды в Хор Вирапе, месте заточения Григория Просветителя, и более раннее строительство католикосом Езром огромного собора Сурб Ованнес Мкртич (Иоанна Крестителя) (631–639) на месте крещения царя в водах Евфрата (Арацани) у Багавана, города армянских Аршакидов (Казарян, 2012. Т. 2. С. 89–107), имели своей целью придание монументальными архитектурными сооружениями значимости важнейшим местам топографии триумфа христианства в Армении. Католикосы Езр и Нерсес фактически продолжили в масштабе страны программу, начатую Комитасом еще в 613 г. в Вагаршапате. Причем Звартноц, будучи территориально близким к бывшей столице, оказался, как представляется, в ряду ее поселений-спутников. О том, что патриарший дворец и такой величины храм не могли быть вне селения, в “чистом поле”, не стоит

сомневаться. Преумножению духовных обителей в окрестностях Вагаршапата способствовало строительство еще одной церкви к северо-западу от города. В монастыре, именуемом Таргманчацванком, т.е. “монастырем переводчиков” (Тораманян, 1948. Т. 2. С. 250), во второй четверти VII в. возводится церковь типа тетраконха с угловыми нишами, меньших размеров по сравнению с однотипной Сурб Рипсиме (Казарян, 2012. Т. 2. С. 249–263; Токарский, 1961. С. 123–125. Рис. 53).

Несмотря на то что с V в. столичные функции перешли к Двину, Вагаршапат остается важнейшим религиозным центром. Но вскоре, в связи с постоянным присутствием арабов на Араратской равнине, роль этих двух городов снижается, а строители переходят в предгорные районы страны, где до конца VII в. продолжают возводить выразительные соборы, приходские и мемориальный церкви.

Монастыри в окрестностях Ани

Политическое и культурное возрождение начнется лишь во второй половине IX в. в периферийных провинциях, но с середины X в. его ведущим центром становится главная вотчина царского к тому времени рода Багратуни или Багратидов. В 961 г. статус столицы обретает Ани, который быстро разрастется из поселения при древней крепости в крупнейший город региона с преобладающим христианским населением. В его орбите в ближайшие десятилетия остаются предшествовавшие административные центры Багратидов — расположенный к югу от Ани древнейший в этом ряду город Багаран с тетраконхом типа Эчмиадзинского собора Сурб Теодорос 624–631 гг.; находившийся к северу от Ани и основанный, вероятно, до 893 г. царем Смбатом I Багратуни (890–914) Ширакаван (Еразговорс) с огромным по тем временам кафедральным собором (Thierry, 1987. С. 575; Казарян, 2022. С. 23, 24); расположенный к западу от Ани, ставший затем главным городом этого рода Карс с основанным царем Абасом собором Св. Апостолов 930-х годов. В ближайшем окружении Багарана продолжали развиваться поселения с храмами V–VII вв. — Ереруйк, Мрен, Нахчаван, Аламан, Агарак и др. В 970-е годы, т.е. уже после воцарения Ашота III Милостивого, важным центром становится Аргина в связи со строительством

там нового кафедрального собора при дворце католикоса Хачика (972–991) (Thierry, 1987. С. 590, 591; Казарян, 2022. С. 25, 26).

Несколько мощных крепостей было создано в регионе и по соседству с ним во времена существования Ани еще в качестве крепости и маленького городка — это охранявшая Ширакаван крепость Тигнис (Dangles, 2007. Р. 279–284); расположенная к югу от Ани, над ущельем Ахуряна Магасберд или Царакар (Dangles, 2007. Р. 274–279; 2014; Матевосян, 2010. С. 216–235); находившаяся в Арагацотне, но обращенная в сторону областей Аршаруник и Ширак мощная крепость Амберд (Токарский, 1973. С. 23–50). После возвышения Ани все эти городки, крепости и селения с отдельными церквями и монастырями начали формировать широкий пояс окружения новой армянской столицы. Карта населенных пунктов, связанных со столицей хозяйственно-экономической и культурно-религиозной жизнью, охватывает территорию протяженностью около 90 км с севера на юг и около 70 с востока на запад (Cuneo, 1977. Tavola I; Матевосян, 2010. С. 8).

Примечательно, что после развития Ани в большой город, существовавшие ранее форпосты наверняка укреплялись, но не создавалось новых крепостей, т.е. сама оборонительная структура не эволюционировала. Чем же можно объяснить это явление, как не расчетом на старый потенциал системы оборонительных сооружений в регионе?

При этом очевиден рост монастырей вокруг Ани, постоянное преумножение в них построек, придание отдельным монастырям особых назначений в качестве царского или княжеского некрополя, скриптория, хранилища реликвий. Кроме нового развития основанных в первой половине X в. монастырей Оромос и Хцконк появились и разрослись монументальными постройками новые обители: Багнайр, Кармир-ванк, Арджо-Арич, Мармашен и др. Этот процесс не сопровождался их укреплением фортификационными сооружениями. Резонным представляется вопрос, не находилась ли эта часть Армении в ситуации совершенно мирного, созидательного развития на протяжении последних десятилетий X и начала XI в.?

Можно заметить, что в результате архитектурные ансамбли со свободной конфигурацией

Рис. 4. Монастырь Хцконк. Церковь Сурб Саргис, 1024 г. Фото А. Казаряна, 2013 г.

Fig. 4. Khtskonk Monastery. Surb Sargis Church, 1024. Photo by A. Kazaryan, 2013

церквей и других построек, с выразительными и полностью открытыми силуэтами живописно вписывались в природное окружение, становясь на многие столетия маркерами этнокультурной характеристики ландшафта. Второе замечание, характеризующее отмеченные монастыри и другими исследователями, относится к качеству пространственной планировки и архитектуры этих, по сути, малых градостроительных образований. Их совершенство и соответствие столичному художественному вкусу свидетельствуют о постоянной, исключительной работе над всеми сооружениями этих комплексов только мастеров анийской школы армянской архитектуры, особенности которой выявляются в последние десятилетия (Cuneo, 1977; Kazaryan, 2015; Казарян, 2017).

Одним из признаков анийской школы являлось использование мотивов, прямо или косвенно связанных с греко-римским наследием. Результатом их интерпретации явились особые типы цоколей, в том числе профилированный цоколь круглых храмов Хцконка и Мармашена, подобная ордеру аркатура, эллинистического типа порталы (рис. 4). Античная градостроительная традиция получила развитие в планировке этих ансамблей. Оромос имеет самую развитую структуру, состоящую

из двух частей (рис. 5). Так называемая нижняя группа, расположенная на острове посреди реки, ненавязчиво подражает античной идее расположения построек по одной оси. Верхняя группа сформирована на основе не буквального следования ортогональной сетке. В Мармашене заметно присутствие трех основных церквей бок о бок, с выравниванием восточных фасадов по линии (рис. 6). Эту четкую систему оживляют другие постройки, в том числе ротонда. Хцконк представляет собой вариант свободного расположения церквей на сложном рельефе и на отдельных крошечных утесах над ущельем реки¹.

Европейские, в том числе русские, путешественники отмечали наличие монастырей в окрестностях Ани, и многие из них останавливались на ночлег в действовавшем до 1917 г. монастыре Оромос, а Ани посещали во время светового дня. Именно в Оромосе, а не в самом Ани выпускник Академии художеств Михаил Матвеевич Иванов (1748–1823) создал акварель, образно названную видом “на город святой Анны” (Русский музей) (Казарян, 2023. С. 153, 154. Рис. 2; Марр, 1934. С. 2. Рис. 9). Для многих

¹ Об архитектуре построек этих монастырей, в частности, см.: Cuneo, 1992; Totoyan-Baladian, 2005–2007; Матевосян, 2010. С. 58–100; Donabédian, 2018–2019; Kazaryan, 2018.

Рис. 5. Монастырь Оромос. Вид на нижнюю и верхнюю группы ансамбля с севера. Фото А. Казаряна, 2013 г.

Fig. 5. Oromos Monastery. A north view of the lower and upper groups of the complex. Photo by A. Kazaryan, 2013

этот монастырь ассоциируется с частью Ани, а его монументальная триумфальная арка — с воротами в городские предместья. Если основные постройки монастыря расположены в низине или на склоне ущелья, то эти ворота были поставлены на плато, и город был в прямой видимости от них. На одной из опубликованных Ж.М. Броссе гравюр представлена панорама Ани, открывающаяся с Вышгорода. За длинными, Смбатовыми городскими стенами видна Пастушья церковь, а справа вдали — высокая башня, напоминающая устой этой арки (Brosset, 1860–1861. Pl. XV). А. Зарян считает путь из Ани в Оромос дорогой церемониальных процессий и именует торжественные ворота Оромоса дверьми, связывающими два «города» — Ани и Оромос (1986. С. 125), а К. Матевосян, учитывающий идейную взаимосвязь между Ани и окрестными монастырями, полагает, что именно по образцу Оромосских ворот художник Маргаре нарисовал врата Иерусалима в миниатюре Ахпатского Евангелия (1997. С. 18).

Оромос и некоторые другие монастыри были включены в программу первой археологической экспедиции в Ани, организованной ее руководителем Н.Я. Марром в 1882 г. (Казарян, Кукина, Медведева, 2022). С точки зрения истории Оромос привлекателен находением там погребений армянских царей, а в эпоху возрождения

Ани с конца XII в. — гробниц влиятельных князей. Это был единственный монастырь, в котором не менее четырех построек, в том числе три купольные церкви, были возведены по заказу царей Багратуни. Именно они, а в Багнайре, Хцконке и Мармашене — главы влиятельных княжеских родов, заложили основы попечительства монастырского строительства, что стало причиной привлечения лучших, а стало быть, и придворных архитекторов. Это обстоятельство справедливо для всех монастырей в окрестностях Ани, и лишь для отдельных построек в тех монастырях, которые, будучи под покровительством анийских царей и вельмож, располагались на значительном удалении от столицы, ярким примером чему служат Санаин и Ахпат.

Поэтому если в ближайших к Ани монастырях в незначительной степени отразилась свойственная монастырской эстетике аскетическая образность, то в основном доминировала в них мемориальная сакральность и величественная, триумфальная торжественность. Всем постройкам этих ансамблей присуща характерная для храмов Ани утонченная элегантность форм, независимо от того, в какой мере применен пластический и резной декор. Масштаб храмов тоже соответствует столичным образцам — не трем самым большим соборам Ани, возведенным зодчим Трдатом на рубеже X–XI вв.,

Рис. 6. Монастырь Мармашен. Основная группа церквей первой половины XI в. Фото А. Казаряна, 2009 г.

Fig. 6. Marmashen Monastery. The main group of churches of the first half of the 11th century AD. Photo by A. Kazaryan, 2009

а следующим за ними средним (достаточно большим) и малым храмам. Схожа и типология церквей, поскольку в монастырях возводятся и купольные залы, и тетраконхи, и шестиконхи, причем последние два типа снаружи являются купольными ротондами. В первые десятилетия XI в. новаторский подход в разработке новой типологии присутствовал преимущественно в монастырях, где создавались новые типы зданий. Попечители и мастера, работавшие в Оромосе, кроме упомянутой триумфальной арки — этого оригинального осмысления формы античной архитектуры триумфа в ключе христианского мемориального зодчества — создали и другие абсолютно новые произведения, которые окажутся у истоков типологических групп монастырских сооружений. Одно из них — особый тип притвора, называемый жаматуном, который был возведен в 1038 г. вместе с церковью Сурб Ованнес и, видимо, служил мавзолеем шахиншаха Ованнеса Смбата (1020–1041). Этот многоколонный зал с девятью разнообразными секциями перекрытий в виде

плоских потолков, уплощенных сводов и центрального шатра из восьми гигантских плит генетически мог восходить и к распространенному типу народного дома глхатун, и к представлению некоторых форм Ротонды Воскресения в Иерусалиме (Kazaryan, 2015). Рядом с восточной стеной этой же церкви сохранилась включенная в более позднюю усыпальницу стена в виде аркады, поля которой заполнены высокими хачкарами — прообраз и подобных рядов хачкаров, и мемориальных памятников с группой хачкаров, которые получили распространение в следующую эпоху расцвета армянской архитектуры, в XII–XIV вв., когда основное развитие монументального зодчества закрепится за монастырским строительством.

В начале эпохи на продолжениях восточной стены той же церкви Оромоса были созданы усыпальницы с высящимися над ними купольными часовнями, образ которых, возможно, послужил толчком развития двухъярусных церквей-усыпальниц. В XIII в. по соседству с Сурб

Ованнес строится комплекс залов-реликвариев с интересными перекрытиями, системой перекрывающихся арок и вариантов сталактитовых шатров с окулусами. Среди последних оказался и самый большой подобный “купол” в Армении (Baladian, Thierry, 2002. P. 123–139; Kazaryan, 2015. P. 184–205).

Ранее не обращалось внимания на то, что в эту эпоху второго расцвета Ани, именуемую эпохой Закаридов по фамилии рода, правившего от имени грузинских Багратидов, – в окрестностях Ани почти не строилось церквей, а иные монастырские сооружения, в основном многофункциональные залы, возводились далеко не во всех монастырях. Это при том, что в более отдаленных и особенно в горных районах страны монастырские комплексы активно развивались. Одновременно монастыри основываются в самом Ани, внутри его стен, что в эпоху Багратидов происходило крайне редко: можно вспомнить существование монастыря на основе церкви Спасителя (Пркчи). По сути на Ширакском плато вокруг Ани в период правления Шеддадидов и даже при Закаридах сужаются пределы ближайшего активного развития христианской культуры столичного толка, и строительство монастырей происходит в Ани — примерами служат монастыри, созданные на основе церкви Апостолов, церкви Сурб Григор Лусаворич Тиграна Оненца, Кусанац-ванк и другие.

Во всех этих и соседних с ними малых по размерам монастырях заметно еще одно явление: постройки первого периода не перестраивались в Закаридскую эпоху. Фрагментарно до наших дней сохранились оригинальные участки их кровель. Видимо, качество строительства позволило этим храмам пережить длительный период полуторавекового мусульманского управления, когда строительные работы на церквях практически не проводились.

Краткий сравнительный анализ системы монастырей в окрестности Вагаршапата и Ани

Исследование позволило обобщить и развить представления о сакральной топографии окрестностей двух армянских столиц, расцвет которых пришелся на разные эпохи: в случае Вагаршапата — раннехристианский период поздней античности, а в случае Ани — период с конца раннего Средневековья до эпохи его

расцвета. При формальном сходстве присутствия христианских святынь и монастырских комплексов вблизи больших городов каждая из этих агломераций имела свои особенности. В Вагаршапате ее основа сложилась одновременно, в связи с началом христианизации страны, и строительство и перестройки окрестных святынь сопровождалось основанием и последующими восстановлениями главного соборного храма, находившегося в центре города. С актом основания столицы в Ани никак не связывалось появление соседних с ним монастырей, которые в небольшом количестве существовали там и ранее. Но вслед за историческим моментом первого расцвета Ани, который произошел около 1000 г., строительная активность из города перекинулась на окрестные монастыри, которые разрослись в последние десятилетия царствования рода Багратуни.

Если в Вагаршапате основными заказчиками являлись католиконы Армянской церкви, то и в самом Ани, и в монастырях привилегия строительства храмов принадлежала царям или шахиншахам, а также самым влиятельным князьям. За последними эта почетная обязанность сохранялась и в эпоху второго расцвета Ани, с конца XII до середины XIV в.

На этом позднем этапе большинство монастырских храмов возводилось в самом Ани, и строительство в окрестных обителях не было активным, а во второй половине XIII в. сводилось к исключительным случаям. Ширакский регион утратил ведущую роль в развитии армянского монастырского зодчества, которую играл в эпоху Багратидов. Однако кратковременного развития окрестных монастырей оказалось достаточным, чтобы эта сфера архитектуры впитала в себя лучшие достижения столичной школы зодчества и создала образцы планировки комплексов и типологии зданий, которые были подхвачены мастерами в других регионах страны, где монументальная архитектура развивалась только в монастырях.

Как на пространстве Араратской равнины, так и на Ширакском плато, сопровождавшие столичные города монастырские храмы и ансамбли существенным образом преобразовали ландшафт и обозначили своими архитектурными образами визуальные границы особой, элитарной сакральной культуры. Если

в окрестностях Вагаршапата католикосы решали задачи христианской и национальной церковной политики, то в окрестностях Ани главные заказчики, скорее всего, преследовали иные цели, а царский род, примеру которого следовало придворное окружение, сосредоточил свое внимание на обустройстве единственного монастыря, служащего некрополем анийских Багратуни.

Судьба наследия в окрестностях этих двух столиц тоже оказалось разной. Будучи в плачевном состоянии, собор Эчмиадзин и основные храмы вокруг Вагаршапата с XVII в. последовательно восстанавливались усердием католикосов. В советское время эту традицию продолжила археологическая наука и реставрационная практика, развитием традиций которых служат современные работы на Эчмиадзине и развалинах храма Звартноц.

Внимание к наследию Ани и окрестностей привлекли европейские путешественники, ученые и русская археологическая экспедиция, проводившая не только раскопки, но и укрепления анийских храмов. С 1920 г. все это наследие, за исключением Мармашена и других памятников по левому берегу Ахуряна, оказалось на территории Турции и подверглось планомерному уничтожению, причем уже в 1950–1970-е годы. О былом ландшафте напоминают редкие сохранившиеся постройки (Казарян, 2015). Тем ценнее представляется их изучение на новом этапе с целью полноценного восстановления наших представлений об этой группе памятников и, возможно, самом важном очаге начального развития богатейшего по своим формам и образам монастырского армянского зодчества.

Статья написана в рамках проекта № 23 “Границы города в разнообразии типологии, архитектурных образах и смыслах. Исторические преобразования и новые предложения” в рамках фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ (Приказ от 23.03.2023 г. № 258/130).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агатангелос (Սիմոնիզմի). История Армении (Պատմության Հայոց) / Пер. и коммент. А. Тер-Гевондяна. Ереван: Гос. ун-т, 1983. 550 с. (На арм. яз.).

Арутюнян В.М. Эчмиадзин. Ереван: Советакан грох, 1978. 47 с. (На арм., рус. и фр. яз.).

Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.: Ин-т христиан. культуры Средневековья, 1998. 576 с.

Григорян Арт.Г. О градостроительном развитии Вагаршапата // Архитектурное наследие. Вып. 39. М., 1992. С. 10–17.

Григорян В. (Գրիգորյան Վ.). Эчмиадзинский кафедральный собор (Էջմիածնի Սուրբ տաճարի) // Вестник общественных наук (Լրագրի հասարակական գիտությունների). 1986. № 7. С. 77–85 (На арм. яз.).

Зарян А. (Զարյան Ա.). Очерки по истории древнего и средневекового градостроительства Армении (Ավանդված հին և միջնադարյան Հայաստանի քաղաքաշինության պատմության). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1986. 223 с. (На арм. яз.).

Казарян А.Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М.: Locus Standi, 2007. 216 с.

Казарян А.Ю. “Новый Иерусалим” в пространственных концепциях и архитектурных формах средневековой Армении // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 520–543.

Казарян А.Ю. От Арджо Арича до Мрена. Судьба памятников в окрестностях Текора между экспедициями 1920 и 2013 годов // Вопросы арменоведения. 2015. № 3. С. 65–76.

Казарян А.Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. Вып. 8. С. 87–116.

Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции. Т. 1, 2. М.: Locus Standi, 2012–2013. 388 + 640 с.

Казарян А.Ю. Ретроспектива как творческий метод зодчих Армянского царства Багратидов // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 4. С. 22–30.

Казарян А.Ю. Русские путешественники об архитектурном наследии Ани // Проект Байкал. 2023. № 1 (75). С. 153–160.

Казарян А.Ю., Кукина Д.А., Медведева М.В. Дело “о командировании Н.Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий”. Первый опыт раскопок в Ани // Археологические вести. 2022. № 37. С. 214–227.

Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика / Пер. Л.А. Беляева, А.М. Беляевой. М.: О-во историков архитектуры; СПб.: Алетейя, 2000 (Архив архитектуры; вып. 13). 190 с.

Лазар Парпеци (Լազար Փարպեցի). История Армении. Послание Ваану Мамиконяну (Հայոց պատմություն: Թուրք Վահան Մամիկոնյանին) /

- Пер. с древнеарм. и коммент. Б. Улубабяна. Ереван: Ереванский ун-т, 1982. 540 с. (На арм. яз.).
- Март Н.Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1934. 136 с., 58 с. ил.
- Матевосян К.* Ани, церковная жизнь и рукописное наследие (Անի, եկեղեցական կյանքը և ձեռագրական ժառանգությունը). Ереван: Святой Эчмиадзин, 1997. 412 с. (На арм. яз.).
- Матевосян К.А.* Страницы истории Ани-Ширака (Անի-Շիրակի պատմության էջեր). Ереван: Святой Эчмиадзин, 2010. 294 с. (На арм. яз.).
- Самуэл Анеци (Սամուէլ Անեցի).* Собрание исторических хроник (Հավաքումներ ի գրքց պատմագրաց). Вагаршапат, 1893. 330 р. (На арм. яз.).
- Тириацин Г.А.* К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата // Историко-филологический журнал. Ереван, 1977. № 2. С. 81–98.
- Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван: Армгосиздат, 1961. 388 с.
- Токарский Н.М.* По страницам истории армянской архитектуры. Ереван: Айастан, 1973. 86 с., 58 л. ил.
- Тораманян Т. (Թորամանյան Թ.).* Материалы по истории армянской архитектуры (Երկրորդ հայկական ճարտարապետության պատմության). Т. 1, 2. Ереван: Армянский филиал АН СССР, 1942–1948. 403 + 307 с. (На арм. яз.).
- Фавстос Бузанд.* История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1953. 273 с.
- Baladian A.T., Thierry J.-M.* Le couvent de Horomos d'après les archives de Toros Toramanian. Paris: Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2002. 222 p.
- Brosset M.-F.* Les ruines d'Ani, Capitale de l'Armésous les rois Bagratides. St. Petersburg: Commissionnaires de l'Académie impériale des sciences, 1860–1861. 2 vols.
- Cuneo P.* L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale. Roma: Academia nazionale dei lincei, 1977. 81 p., 64 tab. ill.
- Cuneo P.* Le couvent de Marmasen et l'école architectural d'Ani // Revue des Études Arméniennes. 1992. Vol. 23. P. 419–471.
- Ćurčić S.* From the Temple of the Sun to the Temple of the Lord: Monotheistic Contribution to an Architectural Iconography in Late Antiquity // Architectural Studies in Memory of Richard Krautheimer / Ed. by C.L. Striker. Mainz: P. von Zabern, 1996. P. 55–59.
- Ćurčić S.* Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London: Yale University press, 2010. 913 p.
- Dangles Ph.* Mahasberd retrouvée // Mélanges Jean-Pierre Mahé / Eds. A. Mardirossian, A. Ouzounian, C. Zuckerman. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2014 (Travaux et mémoires; 18). P. 1–16.
- Dangles Ph., Prouteau N.* Observations sur quelques fortresses de la région d'Ani // Revue des Études Arméniennes. 2007. Vol. 30. P. 273–295.
- Donabédian P.* L'éclatante couronne de Saint-Serge: Le monastère de Xčkōnk' [Khətzkonq] et le dôme en ombrelle dans l'architecture médiévale // Revue des Études Arméniennes. 2018–2019. T. 38. P. 195–355.
- Kazaryan A.* The Architecture of Horomos Monastery // Horomos Monastery: Art and History / Ed. by E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 55–205.
- Kazaryan A.* 'Domed Peripteros' of Marmashen Monastery. Revisiting the Question of Armenian Medieval 'Renaissance' // Cahiers Archéologique. 2018. T. 57. P. 55–73.
- Khatchatrian A.* L'architecture Arménienne du IVe au VIe siècle. Paris: Klincksieck, 1971. 123 p., 40 tab. ill.
- Kleinbauer W.E.* The Origin and Function of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Northern Mesopotamia // Dumbarton Oaks Papers. 1973. № 27. P. 89–114.
- Krautheimer R.* Three Christian Capitals: Topography and Politics. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1983. 167 p.
- Ter Minassian A.* Vagharshapat-Edjmiatzin: The birth of a «haut-lieu» // Documents of Armenian Architecture. 23. Vagharshapat. Milano: OEMME, 1998. P. 5–12.
- Thierry J.-M., Donabédian P., Thierry N.* Les arts arméniens. Paris: Mazenod, 1987. 623 p.
- Totoyan-Baladian A.* Karmirvank', le couvent Rouge // Revue des Études Arméniennes. 2005–2007. T. 30. P. 301–337.
- Zarian A.* Vagharshapat: An historical-architectural analysis of the Holy City // Documents of Armenian Architecture. 23. Vagharshapat. Milano: OEMME, 1998. P. 13–32.

MONASTERIES IN THE VICINITY OF ARMENIAN CAPITALS (7th–13th centuries AD): ARCHAEOLOGY OF ARCHITECTURAL AND URBAN CONTEXT

Armen Yu. Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MSUCE), Russia

E-mail: KazaryanAYU@mgsu.ru

The article analyzes the spread of monasteries in the immediate vicinity or on distant approaches to two cities of Armenia of the late classical and medieval periods, considering information in the sources, the results of archaeological excavations and on-site inspections of the sites. The author reconstructs the sequence of the topography of churches and monasteries near the capitals of the country – Vagharshapat and Ani, identifying the similarities and differences between them. It is noted that the development of the system of shrines in the vicinity of Vagharshapat was determined by the very history of the establishment of Christianity. The main patrons of the church construction from the 4th to the 7th centuries AD were Catholicoses. In the vicinity of Ani, where a surge in the construction of monasteries occurred in the first half of the 11th century AD, there was no given programme, and the originators included the Bagratuni kings and influential princes. While the development of churches near Vagharshapat started under the Arsacid dynasty, continued after the abolition of their royal power, and reached its peak in the first half of the 7th century AD, the monasteries in the vicinity of Ani, founded under the Bagratids, were subsequently developed less actively. In addition, the paper also reveals the specific location of monastic complexes in the vicinity of Ani in connection with the terrain crossed strongly by gorges and the traditional concentration of towns and monasteries along the right, and less often the left, banks of the Akhuryan River. Both on the Ararat Plain and on the Shirak Plateau, the churches and complexes accompanying the capital cities transformed the landscape, so ecclesiastic architectural images marked the visual boundaries of a special, elite culture.

Keywords: monastery complexes, medieval urban planning, archaeology, sacred topography, architecture of Armenia, Vagharshapat, Ani.

REFERENCES

- Agatangelos (Ագաթանգեղոս),* 1983. *Istoriya Armenii (Պատմություն Հայոց)* [History of Armenia]. A. Ter-Gevondyan, transl. Erevan: Gosudarstvennyy universitet. 550 p. (In Armenian).
- Arutyunyan V.M.,* 1978. *Echmiadzin [Etchmiadzin]*. Erevan: Sovetakan grokh. 47 p. (In Armenian, Russian and French).
- Baladian A.T., Thierry J.-M.,* 2002. *Le couvent de Horomos d'après les archives de Toros Toramanian*. Paris: Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 222 p.
- Belyaev L.A.,* 1998. *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie [Christian antiquities. Introduction to comparative study]*. Moscow: Institut khristianskoy kul'tury srednevekov'ya. 576 p.
- Brosset M.-F.,* 1860–1861. *Les ruines d'Ani, Capitale de l'Armésous les rois Bagratides*. St. Petersburg: Commissionnaires de l'Académie impériale des sciences. 2 vols.
- Cuneo P.,* 1977. *L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale*. Roma: Accademia nazionale dei lincei. 81 p., ill.
- Cuneo P.,* 1992. *Le couvent de Marmasen et l'école architectural d'Ani*. *Revue des Études Arméniennes*, 23, pp. 419–471.
- Ćurčić S.,* 1996. *From the Temple of the Sun to the Temple of the Lord: Monotheistic Contribution to an Architectural Iconography in Late Antiquity*. *Architectural Studies in Memory of Richard Krautheimer*. C.L. Striker, ed. Mainz: P. von Zabern, pp. 55–59.
- Ćurčić S.,* 2010. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven; London: Yale University press. 913 p.
- Dangles Ph.,* 2014. *Mahasberd retrouvée*. *Mélanges Jean-Pierre Mahé*. A. Mardirossian, A. Ouzounian, C. Zuckerman, eds. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, pp. 1–16. (Travaux et mémoires, 18).
- Dangles Ph., Prouteau N.,* 2007. *Observations sur quelques forteresses de la région d'Ani*. *Revue des Études Arméniennes*, 30, pp. 273–295.
- Donabédian P.,* 2018–2019. *L'éclatante couronne de Saint-Serge: Le monastère de Xčkōnk' [Khətzkonq] et le dôme en ombrelle dans l'architecture médiévale*. *Revue des Études Arméniennes*, 38, pp. 195–355.
- Favstos Buzand,* 1953. *Istoriya Armenii Favstosa Buzanda [History of Armenia by Faustus the Byzantine]*. M.A. Gevorgyan, transl. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armyanskoy SSR. 273 p.
- Grigoryan Art.G.,* 1992. *On the urban development of Vagharshapat*. *Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 39. Moscow, pp. 10–17. (In Russ.)

- Grigoryan V. (Գրիգորյան Վ.), 1986. Etchmiadzin Cathedral (Էջմիածնի Սուրբ տաճարի իր). *Vestnik obshchestvennykh nauk (Լրագրքեր հասարակական գիտություններին) [Journal of Social Sciences]*, 7, pp. 77–85 (In Armenian).
- Kazaryan A., 2015. The Architecture of Horomos Monastery. *Horomos Monastery: Art and History*. E. Vardanyan, ed. Paris: ACHCByz, pp. 55–205.
- Kazaryan A., 2018. ‘Domed Peripteros’ of Marmashen Monastery. Revisiting the Question of Armenian Medieval ‘Renaissance’. *Cahiers Archéologique*, 57, pp. 55–73.
- Kazaryan A.Yu., 2007. Kafedral’nyy sobor Surb Echmiadzin i vostochnokhristianskoe zodchestvo IV–VII vekov [St. Etchmiadzin Cathedral and Eastern Christian architecture of the 4th–7th centuries AD]. Moscow: Locus Standi. 216 p.
- Kazaryan A.Yu., 2009. “New Jerusalem” in spatial concepts and architectural forms of medieval Armenia. *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral’nykh prostranstv [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]*. A.M. Lidov ed., comp. Moscow: Indrik, pp. 520–543. (In Russ.)
- Kazaryan A.Yu., 2012–2013. Tserkovnaya arkhitektura stran Zakavkaz’ya VII veka: Formirovanie i razvitie traditsii [Church architecture of the Transcaucasian countries of the 7th century AD: Formation and development of tradition], 1, 2. Moscow: Locus Standi. 388 + 640 p.
- Kazaryan A.Yu., 2015. From Arjo Arij to Mren. The fate of sites in the vicinity of Tekor between the expeditions of 1920 and 2013. *Voprosy armenovedeniya [Armenological issues]*, 3, pp. 65–76. (In Russ.)
- Kazaryan A.Yu., 2017. The capital city school of Armenian architecture of the Bagratid era. *Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury [Issues of the history of world architecture]*, 8, pp. 87–116. (In Russ.)
- Kazaryan A.Yu., 2022. Retrospective as a creative method of the architects of the Armenian Bagratid Kingdom. *Academia. Arkhitektura i stroitel’stvo [Academia. Architecture and construction]*, 4, pp. 22–30. (In Russ.)
- Kazaryan A.Yu., 2023. Russian travellers on the architectural heritage of Ani. *Proekt Baykal = Project Baikal*, 1 (75), pp. 153–160. (In Russ.)
- Kazaryan A.Yu., Kukina D.A., Medvedeva M.V., 2022. The case “about the secondment of N.Ya. Marr to Russian Armenia to carry out archaeological research there.” *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 37, pp. 214–227. (In Russ.)
- Khatchatrian A., 1971. L’architecture Arménienne du IVE au VIe siècle. Paris: Klincksieck. 123 p., ill.
- Kleinbauer W.E., 1973. The Origin and Function of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Northern Mesopotamia. *Dumbarton Oaks Papers*, 27, pp. 89–114.
- Krautheimer R., 1983. Three Christian Capitals: Topography and Politics. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. 167 p.
- Krautkhaymer R., 2000. Tri khristianskie stolitsy. Topografiya i politika [Three Christian capitals. Topography and politics]. L.A. Belyaev, A.M. Belyaeva, transl. Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury; St. Petersburg: Aleteyya. 190 p. (Arkhiv arkhitektury, 13).
- Lazar Parpetsi (Ղազար Փարպեցի), 1982. Istoriya Armenii. Poslanie Vaanu Mamikonyanu (Հայոց պատմություն: Թուղթ Վահան Մամիկոնյանին) [History of Armenia. Letter to Vahan Mamikonyan]. B. Ulubabyan, transl. Erevan: Erevanskiy universitet. 540 p. (In Armenian).
- Marr N.Ya., 1934. Ani. Knizhnaya istoriya goroda i ras-kopki na meste gorodishcha [Ani. Recorded history of the town and excavations at the fortified settlement site]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo. 136 p., ill.
- Matevosyan K., 1997. Ani, tserkovnaya zhizn’ i rukopisnoe nasledie (Անի, եկեղեցական կյանքը և ձեռագրական ժառանգությունը) [Ani, church life and manuscript heritage]. Erevan: Svyatoy Echmiadzin. 412 p. (In Armenian).
- Matevosyan K.A., 2010. Stranitsy istorii Ani-Shiraka (Անի-Շիրակի պատմության էջեր) [Chapters of the Ani-Shirak history]. Erevan: Svyatoy Echmiadzin. 294 p. (In Armenian).
- Samuel Anetsi (Սամուէլ Անեցի), 1893. Sobranie istoricheskikh khronik (Հավաքմունք ի գրոց պատմագրաց) [Collection of historical chronicles]. Vagarshapat. 330 p. (In Armenian).
- Ter Minassian A., 1998. Vagharshapat-Edjmiatzin: The birth of a “haut-lieu”. *Documents of Armenian Architecture*, 23. Vagharshapat. Milano: OEMME, pp. 5–12.
- Thierry J.-M., Donabédian P., Thierry N., 1987. Les arts arméniens. Paris: Mazenod. 623 p.
- Tiratsyan G.A., 1977. On the urban structure and topography of ancient Valarshapat. *Istoriko-filologicheskii zhurnal [Historical and Philological Journal]*, 2. Erevan, pp. 81–98. (In Russ.)
- Tokarskiy N.M., 1961. Arkhitektura Armenii IV–XIV vv. [Architecture of Armenia of the 4th–14th centuries AD]. Erevan: Armgosizdat. 388 p.
- Tokarskiy N.M., 1973. Po stranitsam istorii armyanskoy arkhitektury [Through the chapters of the history of Armenian architecture]. Erevan: Ayastan. 86 p., ill.
- Toramanyan T. (Թորամանյան Թ.), 1942–1948. Materialy po istorii armyanskoy arkhitektury (Սյույթեր հավաքական ճարտարապետության պատմության) [Materials on the history of Armenian architecture], 1, 2. Erevan: Armyanskiy filial Akademii nauk SSSR. 403 + 307 p. (In Armenian).
- Totoyan-Baladian A., 2005–2007. Karmirvank’, le couvent Rouge. *Revue des Études Arméniennes*, 30, pp. 301–337.
- Zarian A., 1998. Vagharshapat: An historical-architectural analysis of the Holy City. *Documents of Armenian Architecture*, 23. Vagharshapat. Milano: OEMME, pp. 13–32.
- Zaryan A. (Զարյան Ա.), 1986. Ocherki po istorii drevnego i srednevekovogo gradostroitel’stva Armenii (Ակնարկներ հին և միջնադարյան Հայաստանի քաղաքաշինության պատմության) [Studies on the history of ancient and medieval urban planning of Armenia]. Erevan: Izdatel’stvo Akademii nauk Armyanskoy SSR. 223 p. (In Armenian).